

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ТЕКСТОВЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМЫ
КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА *EMIGRANT*

T. B. Startseva

PROSAIC INTXTS AS THE MECHANISMS
OF COGNITIVE MODELLING OF THE LINGUOCULTURAL TYPE *EMIGRANT*

T. V. Startseva

В статье рассматриваются виды прозаических интекстов, выступающих в качестве комплексных механизмов когнитивного моделирования лингвокультурного типажа *EMIGRANT*, а также описывается их функциональная специфика, анализируются языковые средства портретирования эмигрантов в современной ирландской литературе.

The article focuses on the types of prosaic intexts that form complex mechanisms of cognitive modelling of the linguocultural type *EMIGRANT* and depicts their functional specifics alongside with the linguistic means of portraying emigrants in modern Irish literature.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, интертекстуальность, ирландская литература XX века.

Keywords: linguocultural type, intertextuality, Irish literature of 20th century.

Говоря о роли внутренней интертекстуальности в процессе когнитивного моделирования, мы акцентируем внимание на композиционно-структурных элементах, выполняющих дескриптивную функцию по отношению к объектам повествования. Элементы могут представлять собой как тексты других произведений с маркированным или немаркированным авторством, так и тексты, отличающиеся тем, что референтом такого знака оказывается не пространство «чужого» текста, а фрагмент действительности, предложенный самим автором. Данная схема служит средством создания множественности интерпретаций, за которой скрывается один и тот же автор.

При анализе текстовых включений прозаического характера был выявлен ряд моделей их функционирования, которые включают следующие типы:

- 1) адресант – текстовый элемент – адресат (письма персонажей);
- 2) адресант – текстовый элемент – аудитория (фрагменты автобиографий, мемуаров);
- 3) текстовый элемент – аудитория (фрагменты газетных статей, заголовки).

В своем исследовании, посвященном методологическим основам функционального исследования языковой деятельности, О. В. Лещак предлагает рассматривать процесс речепроизводства как сложную совокупность повторяющихся, взаимно переплетающихся и взаимно детерминированных нейропсихологических актов сопоставления и соположения невербальных элементов психики-сознания и элементов языковой системы, имеющих целью выразить некоторую коммуникативную интенцию. При этом содержание данного термина включает в себя коммуникативную и экспрессивную функции, поскольку желание самовыражения всегда сопровождается желанием быть понятым, которое в свою очередь основано на желании выразить некоторую мысль [1, с. 501].

Рассматриваемый текст письма одной из героинь романа Джозефа О'Коннора «Звезда моря», по сути, является эквивалентом ее прямой речи. По этой при-

чине такого рода включения функционируют как языковое воплощение индивидуальной картины мира героини-эмигранта в совокупности с ценностными и оценочными компонентами. Их особенностью является персональная направленность, что подразумевает определенный стиль изложения, выбор языковых средств в зависимости от статуса или характеристик личности, к которой адресовано послание.

В приведенном отрывке обозначены мотивационные факторы переезда посредством суждений об Ирландии (в частности графстве Голуэй) и об Америке, куда героиня отправилась.

<...> *it was hard times I had after my husband and child died. it was the workhouse for me until i coulden thole it no more. i went all the road to Dublin and lost another child on the way. i had to beg in the street for nigh on a year and do what no woman should ever have to do in that place. i am now a nanny and am going to America. i am working as a nanny for the family of Lord and Lady *****. i will never come back to galway again an i live to a hundred. there is no use in galway for a decent woman [4, p. 271]. <...> тяжело мне пришлось после смерти моего мужа и ребенка. Работный дом стал моей участью, покуда я не смогла больше выносить ее. я шла по дороге в Дублин и потеряла другого ребенка в пути. почти год мне приходилось попрошайничать на улице и делать то, чего ни одна женщина не должна делать. сейчас я работаю няней и собираюсь ехать а Америку. я работаю няней в семье Лорда и Леди *****. я никогда больше не вернусь в Голуэй, даже если проживу сотню лет. Голуэй не сулит ничего хорошего порядочной женщине.*

Реальность ирландской жизни выражена такими лексемами, как *hard times*, *workhouse*, *to beg in the street*. Самооценка героини-эмигранта представлена в сочетании *decent woman*, в контекстуальном отношении представляющем собой критерий, по которому оцениваются две культуры, две национальные парадигмы – ирландская и американская: *i am now a nanny*

and am going to America. <...> there is no use in galway for a decent woman. В приведенном отрывке актуализируется такая характеристика эмигранта, как безграмотность. В письме не всегда соблюдается правило заглавных букв, присутствуют грамматические ошибки, что позволяет предположить низкий социальный статус его автора. Экспрессивный подтекст и отрицательная коннотация лексики описания ирландской жизни в послании, адресованном представителю власти, в том числе отражает реалии конфликта между Англией и Ирландией.

Письма могут содержать целевую установку эмигранта, как нижеприведенный отрывок письма из романа Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта».

<...> I need not say that you are travelling ground you cannot afford to have any failures. I rely on your determination to make something of yourself [3, p. 45]. <...> мне не нужно говорить, что, если ты переезжаешь, ты не имеешь права на провал. Я полагаюсь на твое намерение достичь чего-то в жизни.

В данном контексте эмиграция (*travelling ground*) рассматривается как стимул к успеху. Так, сочетание модального глагола *can* в отрицательной форме с глаголом *afford* выражает запрет на неудачу, провал (*failures*). Установка на успех определяется устойчивым выражением *to make something of yourself*. Ядерными элементами в указанных выше сочетаниях являются глаголы, формирующие определенную модель поведения адресата, в рамках которой становится возможным достижение целей.

Рассмотрим, как выражается эмоциональное состояние эмигранта на примере письма героя романа Джозефа О'Коннора «Звезда моря».

We feel very cut off here in the middle of the great ocean, I may tell you. Wars and revolutions could have happened back home and we should not know the first thing about them [4, p. 108]. Должен сказать тебе, что мы чувствуем себя совершенно отрезанными от мира посреди этого огромного океана. Дома могут идти войны и совершаться революции, а мы ничего не будем знать о них.

Состояние эмиграции в приведенном отрывке из письма вербализуется как *cut off* (отрезанный). В данном случае речь идет о процессе переезда, который связывается не только с пространственной, но и с информационной оторванностью человека от привычного мира.

Письмо может содержать оценку эмигрантом своего окружения.

Speaking of bores, you can't imagine how many of that species are roaming about First Class: rather like wildbeest wandering the backstreets of Timbuktu, only twice as ugly and thrice as forlorn [4, p. 116]. Кстати о занудах, ты даже не можешь представить, сколько таких образчиков слоняется в Первом Класе: они подобны антилопам гну, блуждающим на задворках Тимбукту, только вдвойне уродливей и втройне несчастней.

В примере по отношению к эмигрантам используются зооморфные сравнения. Так, социальная общность, которую представляют эмигранты, именуется лексемой *species* (вид, род), относящейся к биологи-

ческим терминам. А сами люди сравниваются с животными: *wildbeest* (антилопа гну). Лексика оценочного характера носит негативный оттенок: *ugly* (уродливый), *forlorn* (несчастный, одинокий). Выражая в письме оценочные суждения сложившейся ситуации, его автор получает возможность избрать наиболее удобную коммуникативную модель поведения, не обусловленную правилами общения своего окружения, поскольку адресат не является его частью.

Письмо способно соотноситься с тайной стороной жизни персонажа-эмигранта.

My secret plan is to become involved in the building of five houses of the style now becoming fashionable among the nouveau riche of New York [4, p. 111]. Мой секретный план – включиться в строительство пяти домов в стиле, который становится модным в среде нуворишей Нью-Йорка.

Гипотетические действия персонажа-эмигранта в новой стране лексически выражены сочетанием *secret plan*. В содержательном аспекте сочетание является обобщающей единицей языка для слов, номинирующих целевые установки (*become involved in the building*). Сема «тайна» оказывается при этом одним из ключевых элементов. Поскольку в целом письмо представляет собой конфиденциальное сообщение, предназначенное конкретному адресату и не доступное остальному окружению, то его содержание, активированное в языке, оказывается одной из форм реализации исследуемого типажа, позволяющей рассмотреть его скрытые параметры.

Письмо отражает взгляды и мировоззренческую позицию своего автора, его ценностные категории:

I have also bought scetches and copies of the plans of several other larger Irish houses – Powerscourt, Roxborough, Kilruddery, [illegible] and many more – and hope that soon many Kingscourts an Powerscourts may be adornment to that new city and its environs. I am completely convinced that I will not fail.

I know some say the fashion at New York in the coming decades will be to build upwards into the clouds, but having studied the whole matter at considerable length I am absolutely certain that this is fanciful nonsense. If there is one thing they have in America, it is land. Nor are they attached to it in the ridiculously sentimental old way we are in Ireland. They will always build outward and never up [4, p. 112].

Я также приобрел наброски и копии планов нескольких других крупных ирландских домов – Пауэрскорт, Роксборо, Килраддерри, [нечитаемо] и многих других – и я надеюсь, что вскоре множество Кингсскортов или Пауэрсскортов будут украшать этот новый город и прилегающие к нему районы. Я абсолютно уверен, что не проиграю.

Я знаю, что некоторые говорят, будто в ближайшее десятилетие Нью-Йорк будет расти вверх, к облакам, но, изучив ситуацию за продолжительное время, я пришел к выводу, что это все полная ерунда. Если у них в Америке и есть что-то, так это – земля. И они не связаны с ней теми сентиментальными чувствами, как у нас в Ирландии. Они всегда будут строить вверх, а не ввысь.

В приведенном отрывке письма персонажа-эмигранта демонстрируется позиция приехавшего человека по отношению к новому городу и новой стране. Входя в чуждую социокультурную среду, человек рассматривает ее сквозь призму привычных ориентиров. Так, рассуждая об архитектуре Нью-Йорка, эмигрант видит в нем возможность продолжить архитектурную традицию Ирландии, лексически объективирующуюся в топографических наименованиях земельных владений ирландской аристократии и соответственно одноименных архитектурных сооружений – домов знати (*Powerscourt, Roxborough, Kilruddery*). Для эмигранта они становятся эталонами, способными не только расширить границы города, но и украсить его собой: *soon many Kingscourts an Powerscourts may be adornment to that new city*. Следует отметить, что имена-номинанты ирландских поместий стоят во множественном числе, когда речь идет о строительстве их аналогов в США. Это свидетельствует о желании автора письма заполнить гипотетическое пространство нового мира реалиями привычной для него жизни. Оценка действительности происходит также в соответствии с критериями его родной культуры. Главным аксиологическим компонентом является земля (*land*). С позиции данного критерия происходит как самоидентификация эмигранта, так и оценка им нового мира. Америка ценностна для него тем, что богата земельными ресурсами (*one thing they have in America, it is land*). И в этой связи персонаж-эмигрант определяет себя и своих соотечественников как *attached to it [land]* (привязанный к земле). Связь с землей наделяется антропоморфными свойствами – отнесенностью к эмоциональной сфере жизни человека и старым традициям. Лексически данные признаки выражены при помощи следующих единиц: *ridiculously sentimental old way*. Однако в контексте взаимодействия культур это качество ирландца противопоставлено сущности жителя США. Привязанность к земле не характеризует американцев. Этот аспект в понимании ирландца соотнесен с архитектурными тенденциями Нью-Йорка – строительством небоскребов (*to build upwards into the clouds*). Но в то же время такие устремления не находят понимания у эмигранта из Ирландии, для которого остается чуждым и сомнительным принцип вертикального расширения города при наличии достаточного количества свободной земли.

В отличие от писем, мемуары и автобиографии представляют собой осознанное и субъективное изложение человеком событий собственной жизни и описания себя как личности и не предполагают наличие конкретного адресата. Как текстовые включения, они предназначаются и для читателя, и для других героев сюжетной линии произведения, в полной мере отражая высказывание Умберто Эко о тексте-в-тексте как ловком манипулировании-игре.

Некоторые особенности структурирования когнитивной единицы с учетом категории интертекстуальности были предложены А. А. Павловой в исследовании концептосферы внутрисемейных родословных. В частности, автор не считает целесообразным «отождествлять в тексте автора-повествователя («автора сей-

час») и автора-персонажа («автора тогда»), так как многие взгляды «автора сейчас», отношение его к определенным событиям, его чувства со временем могли существенно измениться» [2, с. 39]. Но, в отличие от внутрисемейных родословных, автобиографические тексты представляют собой изложение событий прошлого и осмысление себя самого как участника этих событий, предназначенное для широкой аудитории, не ограниченной членами одной семьи. Следует особо подчеркнуть тот факт, что и функцией такого рода текстовых включений будет являться не только донесение информации, но и формирование у читателей определенных представлений о действительности конкретной эпохи и принадлежащих ей действующих лиц. По этой причине в рамках данного исследования уместно будет говорить об автобиографических текстовых включениях как о моделировании персонажем-эмигрантом собственной личности.

Примеры автобиографии персонажа-эмигранта взяты из романа Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта». Приведем фрагмент, иллюстрирующий воспоминания одного из героев романа.

Like all the Irish, they were well educated and had a deep love of learning. Although English was their main language, they could also read and write in Gaelic. They were unusual in this, as most of the Irish spoke a mixture of English and Gaelic, but couldn't read or write their native tongue. This was not the fault of the British, or the Tallystick, but of the Irish themselves, who wanted their children properly equipped for life. For we were bred for two things: eviction or emigration. <...> In 1869, when I was six years of age, my father was dismissed from his school and my parents decided to test their fortune in the United states. I remember silence and grief, but do not recall if the neighbours gathered for an American wake. This was the custom, as an emigrant left then left forever [3, p. 233 – 234]. Как и все ирландцы, они были хорошо образованы и имели глубокую любовь к познанию. Хотя английский был их основным языком, они могли читать и писать на гэльском. Это было необычно, потому что большинство ирландцев говорили на смеси английского и гэльского, но не могли читать или писать на своем родном языке. Так было не по вине британцев или письменных источников, но по вине самих ирландцев, желающих, чтобы их дети были хорошо подготовлены к жизни. Ибо нас ожидало два исхода: выселение или эмиграция. <...> В 1869 году, когда мне было шесть лет, моего отца уволили из школы и мои родители решили попытать судьбу в Соединенных Штатах. Я помню молчание и печаль, но не помню, собирались ли соседи на проводы. Это было традицией, если эмигрант уезжал, то уезжал навсегда.

В приведенном отрывке такая характеристика, как владение языком, становится основным мерилот готовности человека к жизни и показателем уровня национального сознания. Хотя образованность и указывается как общенациональная черта (*Like all the Irish, they were well educated*), знание родного языка являлось скорее исключением, чем правилом, поскольку действительность для ирландцев заключалась в двух ипостасях – выселении и эмиграции (*eviction or*

emigration) – и подразумевала использование английского языка, а не ирландского. Так как мы имеем дело с текстовым отрывком из мемуаров героя-эмигранта, можно утверждать, что сам он является представителем точки зрения внутреннего наблюдателя. В этом контексте любопытным фактом оказывается позиция повествователя относительно языковой ситуации в Ирландии: падение статуса гэльского языка не вменяется в вину англичанам, напротив, ирландцы сами несут ответственность за то, что язык как часть культуры и самосознания народа в ситуации эмиграции теряет свою значимость. Таким образом, в приведенном отрывке языковое воплощение нашли следующие характеристики ирландского эмигранта как типажа: образованность (*well educated*), незнание родного языка (*most of the Irish spoke a mixture of English and Gaelic, but couldn't read or write their native tongue*).

В отрывке встречается культурная реалия, обнаруживающая, на наш взгляд, необычное языковое воплощение – *American wake*. Слово *wake* по данным словаря имеет значение, присущее ирландскому диалекту: поминки перед погребением, проведение ночи у гроба усопшего. Наиболее релевантным переводом словосочетания *American wake* на русский язык будет вариант «проводы», но семантика компонентов, тем не менее, содержит ярко выраженную отрицательную оценку сущности явления. Уподобление эмигранта усопшему человеку закрепляется, помимо этого, в данной языковой форме: *as an emigrant left then left forever*.

Мемуары представляют собой отсылку к прошедшим событиям, но оценка и осмысление произошедшего осуществляются позднее, в момент их описания.

We took a Cunard Steamer from Cove, then called Queenstown, boarding with lonely young men and women and whole families, leaving for a new world. <...> We all went: O'Regans, O'Reillys, Quirkies, Quilligans and Quinns – often to a fate worse than that which we left [3, p. 234]. Мы отправились из Ковы, позже переименованный в Квинстаун, на пароходе компании Кунард, который был заполнен одинокими юношами и девушками, целыми семьями, отправляющимися в новый мир. <...> Мы все уезжали: О'Риганы, О'Рилли, Кворки, Квиллиганы и Квинны – и часто случалось, что там нас ожидал худший удел, чем тот, который мы имели.

В приведенном отрывке обозначено, что эмиграция касалась не только отдельных людей, но и целых семейств. В языковом плане исследуемый типаж объективируется посредством гендерного (*men and women*) и возрастного (*young*) параметров. Социальный аспект обозначен в том, носит ли эмиграция индивидуальный (*lonely*) или групповой характер (*whole families*). Оценочный компонент реализуется посредством оппозиции, в рамках которой сталкиваются идеалистические и мотивирующие представления об эмиграции как о способе обретения лучшей жизни, лексически выраженные сочетанием *new world*, и представления, основанные на реальных событиях из жизни эмигрантов, затрагивающих и автора мемуаров (*fate worse than that which we left*).

Одним из главных факторов оказывается характер эмиграции – вынужденный или добровольный.

O'Neills were not the hungry Irish and travelled with two servants, leaving behind a slate-roofed house. Yet the memory of the Famine had cut deeply into the souls of my father and mother. They talked of what they had seen to the end of their days: whole families barricading themselves in their cottage to await death; children dying by the side of the road; a nation mortally wounded. All of their generation had a deep hatred for the English [3, p. 234]. О'Ниллы не были голодающими ирландцами и путешествовали с двумя слугами, оставив позади дом, крытый шифером. Хотя воспоминания о Голоде запали глубоко в души моих родителей. Они вспоминали об увиденном до конца своих дней: целые семьи, баррикадирующиеся в домах в ожидании смерти, дети, умирающие на обочине дороги, смертельно раненая нация. Все их поколение глубоко ненавидело англичан.

Для самосознания эмигранта важно то, что эмиграция была осознанным выбором его семьи. Значимость свободы выбора актуализируется в противопоставлении семьи персонажа-эмигранта вынужденным эмигрантам, именуемым *the hungry Irish*. Основой такого выбора является лучшее, по сравнению с другими, материальное положение семьи – наличие слуг (*servants*), хорошего дома (*slate-roofed house*) на фоне экономического краха страны, так называемого Голода (*Famine*). В то время как сам ирландский народ наделяется характеристикой *mortally wounded*. А общенациональной чертой становится ненависть к англичанам (*deep hatred for the English*).

Описывая переезд в США, участник событий акцентирует внимание на том, что результатом этого события явилось разрушение традиционных представлений об Америке.

There was no Lady Liberty to greet us, only grim-faced doctors who made us walk the plank of inspection with our tattered brethren as they searched for the tell-tale signs of consumption which is the curse of our race [3, p. 234]. Нас не приветствовала Леди Свобода, только угрюмые врачи, заставившие нас пройти процедуру осмотра с нашими оборванными собратьями, выискивая признаки чахотки, которая является проклятием нашей расы.

Миф о свободе, подпитывающий умы ирландцев, лишенных ее на родине, разрушается. Автор намеренно играет языковыми средствами в приведенном отрывке жизнеописания героя-эмигранта. Его персонаж низводит возвышенную цель – свободу, персонифицированную в образе женщины (*Lady Liberty*), до жестокой реальности, где Леди Свобода предстает в виде врачей (*grim-faced doctors*), которые ограничивают поток эмигрантов. Болезнь выступает в качестве одного из типичных атрибутов, присущих эмигрантам. При этом подчеркивается национальная специфика подобной подверженности определенной болезни: *consumption which is the curse of our race*. По отношению к эмигрантам используется слово *brethren* (братья), относящееся к лексике возвышенного, поэтического стиля. В семантическом плане такая номинация свидетельствует о высокой сплоченности

общности, при которой национальный параметр приравнивается к параметру родственности. Но в то же время сочетание данной языковой единицы с прилагательным *tattered* (оборванный) сводит высокий стиль к минимуму, раскрывая ироническую точку зрения автора мемуаров на произошедшие события.

Мемуары представляют собой не только осмысление событий, но и осмысление автором себя как их участника:

Our servants left and we were now poor immigrants, reduced to sharing a house with three other families. From being "The Master" in the old world, my father now found his skills useless, so succumbed to drink and despair <...> We were no longer "the Master's children," but "the scrubwoman's children". <...> Life was hard. Along with the Jews, we Irish were considered as vermin [3, p. 235]. Наши слуги ушли, и теперь мы были бедными иммигрантами, вынужденными делить дом с тремя другими семьями. Если в старом мире мой отец был «Хозяином», то теперь его умения были бесполезны и он пал жертвой пьянства и отчаяния. <...> Мы больше не были «детьми Хозяина», но были «детьми уборщицы». <...> Жизнь была тяжелой. Наравне с евреями ирландцы считались сбродом.

В примере актуализируется значимость для эмигранта его социального и национального статуса. Изначально высокий социальный статус человека на родине выражен в лексемах *Master, Master's children* (хозяин, дети хозяина), однако в другой стране этот статус теряется и эмигрант характеризует себя и свою семью как бедных людей. Выступая одним из основных признаков типажа *EMIGRANT*, бедность объективируется посредством лексем, относящихся к сфере профессиональной жизни человека: наименований непрестижных профессий (*scrubwoman*), не востребоваемости человека в сфере его деятельности (*his skills useless*); лексем, значение которых включает оттенок виктимности: *poor immigrants, succumbed, reduced to sharing a house*. Национальная принадлежность является одним из факторов, по которому общество оценивает нового человека. Эмигрант-автор мемуаров подчеркивает отрицательное отношение американцев к ирландцам и евреям: *vermin*.

Дифференциация по национальному признаку сокращала возможности преуспеть в новой стране.

Everywhere you saw the sign: NO IRISH NEED APPLY. But my mother was undaunted by this, telling me that the same words would be written on the gates of Hell [3, p. 235]. Везде были вывески: ИРЛАНДЦАМ ПРОСЬБА НЕ ОБРАЩАТЬСЯ. Но моя мать не страшилась этого, говоря, что те же самые слова будут написаны на вратах ада.

Пример демонстрирует не востребоваемость ирландцев в профессиональной сфере, основанную на национальной предвзятости. В то же время реакция эмигрантов на такое отношение выявляет один из существенных аспектов носителей ирландской культуры – религиозность. Переосмысление ситуации с христианской позиции делает социальную уязвимость ирландцев залогом божественной награды в загробной жизни, поскольку оценочный компонент фразы

«*NO IRISH NEED APPLY*» меняет свой полюс с отрицательного на положительный при переносе из социального контекста в контекст духовный.

Эмиграция в Ирландии была связана не только с социальными и экономическими проблемами. Политические причины, имевшие не меньшее влияние на этот процесс, коренятся в самой истории страны. Борьба за независимость, неоднократные восстания против Британской короны связали жизнь ирландцев с политикой. Эмигрировавшие в США люди участвовали в политической жизни своей новой страны, видя в этом способ достижения успеха.

The Democratic Party was the party of the poor, and for the Irish the only way up [3, p. 236]. Демократическая партия была партией бедняков и единственной возможностью для ирландца сделать карьеру.

Национальный идентификатор *the Irish* соотносится с социальным идентификатором *the poor*. Исходя из контекста, мы можем утверждать, что одной из характерных черт была ограниченность ирландских эмигрантов в выборе политической партии за счет их собственного низкого материального статуса.

Одной из типических характеристик является заинтересованность ирландского эмигранта в политической жизни его родной страны.

Through the years, I had always kept in touch with the tragic politics of my native land and returned there in 1910 to speak at Wolfe Tone's grave [3, p. 236]. В течение всех лет я всегда оставался в курсе трагичной политической ситуации в моей родной стране и вернулся туда в 1910, чтобы произнести речь на могиле Вулфа Тоуна.

Лексически связь эмигранта с родиной объективируется в виде устойчивого сочетания *to keep in touch* (быть в курсе), а также выводится из контекста описания эмигрантом возвращения в Ирландию, связанного с событиями историко-политического характера. В тексте функционирует прецедентное имя *Wolfe Tone*, значимое для ирландского народа тем, что с ним ассоциируется начало освободительного движения и революционной деятельности в Ирландии. Живя в США, эмигрант, тем не менее, опирается на политические ориентиры своей родины.

Применительно к исследованиям лингвокультурного типажа мы можем отметить, что текстовые вставки в виде отрывков газетных статей, используемые автором для формирования представлений об эмигранте, создают своеобразную проекцию источника дополнительной информации, который автор использует для создания многообразия точек зрения на персонажа-эмигранта в тексте художественного произведения.

В отличие от предыдущих видов внутритекстовых включений, фрагменты и заголовки газетных статей не являются эквивалентами речи героя-эмигранта, стоящего за текстом. Эмигрант оказывается объектом описания, а не субъектом действия. При этом дескриптивные средства могут варьироваться в зависимости от культуры, к которой относится текст. Рассматриваемые ниже фрагменты газетных статей и заголовков взяты из романа Мэри Роуз Каллаган «Мечты эмигранта».

Приведенный отрывок – вырезка из американской газеты.

He grew up in Brooklyn and later went to Yale University where he studied law. After practising in Connecticut for a time he came to New York and as cousin of "Big Tim" Sullivan took an active part in Tammany Hall politics. He was counsel for "Bald Jack" Rose, the informer against Police Captain Charles Becker in the trial for murder of Herman Rosenthal, the gambler [3, p. 57]. Он вырос в Бруклине и затем изучал право в Йельском университете. После практики в Коннектикуте он приехал в Нью-Йорк и как кузен «Большого Тима» Салливана принял активное участие в политической деятельности Тамани-холл. Он был адвокатом «Лысого Джека» Роуза, информатора против капитана полиции Чарльза Беккера в судебном деле об убийстве Германа Розенталя, картежника.

Пример представляет собой портрет эмигранта, сделавшего карьеру в политике (*took an active part in Tammany Hall politics*), замешанного в громком судебном деле (*He was counsel for "Bald Jack" Rose*). В тексте примера подчеркиваются, тем не менее, ценности связей членов диаспоры и семьи эмигрантов посредством ссылки на более авторитетное и значимое лицо, достигшее подобного же успеха (*as cousin of "Big Tim" Sullivan*).

Формируя положительный образ персонажа-эмигранта на фоне политических событий, пресса может представлять его как спасителя в кризисной ситуации.

HURRIES TO SANTO DOMINGO

Minister Quilligan O'Neill Hopes to Avert Prolonged Hostilities.

Washington Sept 8 – As a result of a long conference with Secretary Bryan to-day, Marcus Quilligan O'Neill of New York, the new Minister to the Dominican Republic will hurry to Santo Domingo to do what he can toward bringing the revolutionary outbreak to an end [3, p. 47].

СРОЧНЫЙ ОТЪЕЗД В САНТО ДОМИНГО

Министр Квиллиган О'Нилл надеется

предотвратить затянувшиеся военные действия

Вашингтон, 8 сентября. Сегодня в результате длительного совещания с Секретарем Брайаном Маркус Квиллиган О'Нилл от штата Нью-Йорк, новый посол в Доминиканской Республике, в срочном порядке отправится в Санто Доминго, чтобы содействовать урегулированию революционного восстания.

Заголовок и текст статьи концентрируется на лексике описания действий персонажа, представляющего исследуемый типаж. Посредством лексем *hurries* (спешка), *to hurry* (спешить) объективируется такая характеристика, как динамичность. Положительные характеристики дополняет свойство результативности, выраженное следующими языковыми средствами: *to avert* (предотвратить), *to bring to an end* (положить конец).

Эмигрант, добившийся успеха в политике, может быть описан в прессе как влиятельный человек.

<...> It is understood that Minister Quilligan O'Neill will throw the influence of the United States to the support of the President, who was elected last Spring by one of the fairest general elections ever held in the republic

[Callaghan, 1996, p. 247]. <...> Предполагается, что Министр Квиллиган О'Нилл использует все влияние Соединенных Штатов для поддержки Президента, избранного прошлой весной путем самого честного всеобщего голосования, когда-либо проходившего в республике.

В приведенном примере демонстрируется наивысшая степень ассимиляции эмигранта в новой стране – способность влиять на ее судьбу. Эту специфическую черту воплощает сочетание *influence of the United States*, выполняющее функцию объекта, на который направлено действие, выраженное глаголом *throw* (бросать). То есть лексико-семантический план реализации позволяет нам предположить, что успех эмигранта в новой стране (в данном случае – в политической сфере) предоставлял возможность оперировать ее ресурсами и в полной мере представлять ее интересы.

Типаж *EMIGRANT* объективируется также в заголовках газет, функционирующих в тексте художественного произведения как интекст.

MINISTER O'NEILL DEMANDS FULL INQUIRY [3, p. 48]. Министр О'Нилл требует полного дознания.

Семантическая сторона глагола *demand* (требовать) соотносится с активной позицией субъекта действия, согласно которой он может влиять на ситуацию, а не подчиняться обстоятельствам.

Заголовок статьи может выразить одобрение:

QUILLIGAN O'NEILL OK'D BY BALD JACK ROSE [3, p. 48]. (Квиллиган О'Нилл одобрен Лысым Джеком Роузом).

В приведенном примере используется слово *OK*, относящееся к слою разговорной лексики. Это слово выполняет функцию глагола, выражающего одобрение, и стоит в форме прошедшего времени, что подчеркивает семантическую завершенность действия. Обращение к данной лексеме позволяет сблизить сферу политики и непосредственно политических деятелей с читательской аудиторией, многие из которой употребляют такую форму выражения одобрения в своей повседневной речи. Подобная формулировка в значительной степени импонирует читателю и создает нужные представления об объекте описания с большей эффективностью.

Пресса может быть не только средством создания положительного имиджа, но и орудием его разрушения.

The witness denied knowledge of an alleged prize fight where Quilligan O'Neill was said to have decamped with the gate receipts. A letter was read into the record. In it Mr Quilligan O'Neill denied he had gone into the promotion of one boxing match with the idea of raising funds to go to law school [3, p. 48]. Свидетель отрицал, что знал о предполагаемом призовом бое, когда Квиллиган О'Нилл сбежал с выручкой от проданных билетов. Было зачитано письмо. В нем Мистер Квиллиган О'Нилл отрицал, что участвовал в организации одного матча по боксу с целью присвоения денег для обучения юриспруденции.

Использование лексического отрицания в виде глагола *deny* (отрицать) не выполняет свою прагматическую задачу – опровержение порицаемых общест-

вом деяний, соотносимых с персонажем, представляющим типаж *EMIGRANT*. Формально предложение остается утвердительным, что относит позицию человека, обвиняемого в финансовых махинациях и отрицающего обвинения, на второй план, а на первый выдвигает его предполагаемые преступления, объективируемые следующими языковыми средствами: *de-camped with the gate receipts; raising funds*.

Газетные заметки могут затрагивать поведенческие особенности человека, выделяющие его на фоне традиционных правил общества.

QUILLIGAN O'NEILL NOT A DRESSY DIPLOMAT

... *M Pemberton Parks said that he didn't consider Mr Quilligan O'Neill as an ideal diplomat, not on account of any lack of mental fitness but because he was careless in his personal appearance. "He used to sit about his home in a negligee shirt and suspenders," said Mr Parks, "with trousers larger than the New York tailors would advise one to wear."* "How are the Dominicans clad?" asked Mr Farrell. "The officials wear silk hats and Prince Albert coats on the hottest day. They look as well as you and I." As to the story that Mr Quilligan O'Neill received other diplomats in his undershirt, Mr Parks expressed some doubt, but added, "That's a hot country down there, and most people wear as little as they can" [3, p. 49].

КВИЛЛИГАН О'НИЛЛ – НЕМОДНЫЙ ДИПЛОМАТ

... *Мистер Пембертон Паркс заявил, что не считает Мистера Квиллигана О'Нилла идеальным дипломатом, не по причине интеллектуального несоответствия, а потому, что он не следит за своей внешностью. «Он имел обыкновение ходить по дому в нижнем белье и подтяжках, – сказал Мистер Паркс, – в брюках более широких, чем советуют носить портные Нью-Йорка». «Как одеваются доминиканцы?» – спросил Мистер Фаррелл. «Официальные лица в самый жаркий день носят шелковые шляпы и пиджаки в стиле Принца Альберта. Они выглядят так же хорошо, как мы с вами». Что касается истории, будто Мистер Квиллиган О'Нилл принимал других*

дипломатов в нижней рубашке, то Мистер Паркс выразил сомнения на этот счет, но добавил: «Это жаркая страна и большинство людей стараются надевать как можно меньше одежды».

В примере демонстрируется несоответствие внешнего облика героя, представляющего типаж *EMIGRANT*, с шаблоном, принятым в обществе для человека определенного рода деятельности, – *ideal diplomat* (идеальный дипломат). Данному шаблону соответствует ряд характеристик, формирующих представления о дресс-коде: *silk hats, Prince Albert coats*. Положительная оценка такого внешнего вида сопровождается включенностью интервьюируемого и журналиста в число людей, соответствующих принятым стандартам: *look as well as you and I*. Несоответствие традиционному дресс-коду культурно маркировано: *trousers larger than the New York tailors would advise one to wear*. А наименование *ideal diplomat* коррелирует с сочетанием *not a dressy diplomat*, вынесенным в заголовок статьи. Поведение человека оценивается с точки зрения стандарта, принятого в США, несмотря на то, что речь идет о другой стране. Модель эксцентричного поведения включает в себя неприемлемый для общества внешний облик, который описывается соответствующей тематической лексикой: *negligee shirt and suspenders, undershirt*. В целом в приведенном примере механизм создания представлений о человеке основан на столкновении канонических принципов выбора одежды и индивидуальных принципов, получивших отрицательную оценку.

В заключение отметим, что прозаические включения в рассмотренных произведениях раскрывают эмигрантскую тематику в отрывках из писем, автобиографий эмигрантов, фрагментах газетных статей об эмигрантах. В первых двух случаях текстовые включения выступают как эквиваленты прямой речи персонажей-эмигрантов, обуславливая процесс моделирования таким персонажем ситуации эмиграции и своей собственной личности. Во фрагментах газетных статей эмигрант оказывается объектом описания и общественной оценки.

Литература

1. Лещак, О. В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / О. В. Лещак. – Тернополь, 1997. – 528 с.
2. Павлова, А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. А. Павлова. – Белгород, 2004. – 211 с.
3. Callaghan, M. R. *Emigrant Dreams* / M. R. Callaghan. – Poolbeg Press Ltd., 1996. – 298 p.
4. O'Connor, J. *Star of the Sea* / J. O'Connor. – Harcourt, Inc., 2004. – 432 p.

Информация об авторе:

Старцева Татьяна Валерьевна – ассистент кафедры английской филологии № 2 КемГУ, 8-923-490-9168, ultimaratioregis@mail.ru.

Tatiana V. Startseva – Assistant Lecturer at the Department of English philology № 2, Kemerovo State University.